

телей формата. Формат – это новый вид топа, позволяющий говорить о том, чего не знаешь, а также активно навязывать свою точку зрения окружающим. Утрата предметности и становится причиной неэффективности аргументации.

Л.А. Боброва

2016.01.016. ФИКАРА Е. ГЕГЕЛЕВСКОЕ НАСЫЩЕННОЕ ОТРИЦАНИЕ.

FICARA E. Hegel's gluttony negation // History and philosophy of logic. – L., 2015. – Vol. 36, N. 1. – P. 29–38.

Ключевые слова: диалектика; отрицание; Гегель.

Идея, что гегелевское диалектическое отрицание как «determinate negation» должно быть отлично от логического отрицания, является классическим образцом рецепции гегелевской диалектики с самого начала (Тренделенбург, Буллингер, Юберверг). Сегодня эта позиция наиболее детально разрабатывается Р. Брэндом. В его холистском инференциализме диалектика является методом понимания концептуального содержания: «Понимание концепта включает создание состояния инференциального движения, которое связывает его со многими другими концептами» (цит. по: с. 29). Инференциальные отношения являются отношениями несовместимости. Поэтому диалектическое детерминированное отрицание (ДДО) в описании Брэндома есть материальная несовместимость и, следовательно, диалектическое отрицание должно отличаться от логического. Эту точку зрения разделяют также Л. Кортелла, Ф. Перельда, С. Лэндусси. В их описаниях логическое отрицание мыслится в терминах операции образования дополнения, т.е. принимается, что «не-а» есть все, что не является «а», тогда отрицание «а» называется «nomen infinitum», или «индетерминированное отрицание». Это и является причиной того, почему диалектическое отрицание определялось как «материальное», а не формальное. Однако из истории и философии логики известно, что такая трактовка отрицания является только одной из возможных.

Автор ограничивается рассмотрением отрицания в рамках «насыщенной семантики» (gluttony semantics). Так называемые «насыщенные семантики» представляют собой теории, согласно которым существуют «истинностные насыщения» (truth value gluts), т.е.

истинные предложения, которые представлены схемой « $a \& \bar{a}$ ». Г. Прист подчеркивает: могут быть основания для предположения, что не существует (нет в наличии) такой вещи, как «отрицание», и что есть несколько различных теорий отрицания (булево, интуиционистское, отрицание де Моргана). Общим основанием всех этих теорий является именно то, чему подобен реальный объект «отрицание».

Существует различие между классическим и насыщенным (glutty)-описаниями. Согласно glutty-описанию, отрицание является «оператором, формирующим противоречие». Но, в отличие от классического описания, некоторые противоречивые утверждения могут быть оба истинными, т.е. для некоторых c , мы имеем ($c \& \neg c$). Очевидно, что glutty-теория влечет частное (партикулярное) описание отношения между отрицанием, противоречием и содержанием.

Г. Прист проводит различие между тремя возможными описаниями этого отношения: 1) аннулирование (concellation) (connexivist – описание Средних веков); 2) дополнение (классическое описание); 3) промежуточное описание (glutty-описание).

Согласно (1), «не- a » аннулирует содержание (контент) « a », отсюда противоречие влечет ничто. Согласно (2), «не- a » имеет любой контент, которого не имеет « a », отсюда противоречие влечет все, что угодно. Согласно (3), контент «не- a » есть функция контента « a », но не из предыдущих видов. Тогда противоречие влечет что-нибудь (но не все).

Гегелевский взгляд на отрицание инспирирован его диалектическим методом. Как подчеркивал сам Гегель, диалектическое отрицание должно отличаться от скептического (пиррова) отрицания, согласно которому для любого обоснованного аргумента найдется также хорошо обоснованный, но противоположный аргумент. Форма скептического принципа – просто противоречие (« r и не- r »). Скептик видит в результате только чистое ничто, исчезновение вещей и знаний о них. С диалектической точки зрения, отрицание нельзя понимать как аннулирование. Диалектик допускает, что «факт, что это ничто детерминировано и имеет содержание».

Гегель уточняет отрицание путем сравнения его с отрицанием Спинозы. Он проводит различие между диалектическим отрицанием и принципом Спинозы «Все определенное является отри-

цанием» (*omnis determination est negatio*). Отрицание Спинозы является интеллектуальным, но не рациональным; таким образом, оно не может быть достаточным для противоречия (с. 34). Принцип Спинозы, согласно Гегелю, выражает только одну сторону отрицания. Невозможно использовать противоречивые определения (*determinations*) для того, чтобы выразить бесконечную субстанцию. Но это именно то, что хотел бы делать Гегель.

Гегель отмечает, что правильно будет сказать, что субстанция является утвердительной, так как она есть отрицание of the single determinations, которые сами суть отрицания (таким образом, субстанция является утверждением в классическом строгом смысле «отрицание отрицания», согласно закону двойного отрицания). Но это не означает, что субстанция является только утвердительной. Напротив, согласно Гегелю, она же есть истинное отрицание. Тогда если мы имеем понятие «*a*», то мы имеем $a = a \wedge >a$, что влечет $>>a = a \wedge >a$, т.е. закон диалектического двойного отрицания. Как говорил Гегель, что мы понимаем истинную природу понятий, только через отрицание их отрицания мы получаем их во всей полноте, которая есть противоречие. Например, Спинозовское понятие причинности (*causa sui*), по Гегелю, есть нечто, что одновременно причина и «не причина» (*not-causa*), рефлексивна и нерефлексивна. Это означает, что понятие *causa sui* влечет отрицание и отрицание этого отрицания.

Анализируя смысл отрицания в контексте исследования законов непротиворечия и исключенного третьего, Гегель указывал на то, что несовместимость необходимо превращается в противоречие. Это согласуется с тем, что Г. Фреге и Г. Прист говорили о разнице между нашим использованием «не» в естественном языке и его формальным выражением через отрицание.

С точки зрения автора, «из гегелевской теории отрицания, читаемой с точки зрения насыщенной семантики отрицания, очевидно, что абстрактная и формальная перспектива – которая неизбежно влечет за собой представление отрицания как оператора формирующего противоречие – не является ни аннулированием, ни взрыванием логики.

Таким образом, из того, что Гегель говорит об отрицании, мы можем вывести описание способа, как отрицание работает в диалектике. В реконструкции, предложенной автором, диалектическое

отрицание возникает как оператор, формирующий противоречие. Более того, следствия диалектического отрицания являются насыщенными, т.е. диалектические противоречия не аннулируют друг друга, и не имеют тотального содержания (с. 36).

Л.А. Боброва